

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

ВЕЛИКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ XVIII ВЕКА?*

© 2017

А. В. КОРОТАЕВ ^{a–b)}, Ю. В. ЗИНЬКИНА ^{a)}^{a)} НИУ “Высшая школа экономики”;^{b)} Институт востоковедения РАН

В статье показано, что Великой дивергенции XIX в. между Западом и Восточной Азией предшествовала Великая дивергенция XVIII в. между глобальным Севером и глобальным Югом. Это обусловлено тем, что в странах глобального Севера государственным структурам в XVIII в. удалось выйти на новый, существенно более высокий уровень эффективности. При этом на Западе и Востоке глобального Севера задачи повышения эффективности работы государственного аппарата решались нередко принципиально разными методами, но результаты на протяжении XVIII в. нередко оказывались достаточно близкими. При этом Великая дивергенция XIX в. была уже дивергенцией внутри глобального Севера.

Ключевые слова: Великая дивергенция, глобальный Север, глобальный Юг, экономический рост, эффективность государства, Восточная Азия, Китай.

DOI:

THE GREAT DIVERGENCE OF THE EIGHTEENTH CENTURY?

Andrey KOROTAYEV ^{a–b)}, Julia ZINKINA ^{a)}^{a)} Higher School of Economics, Moscow^{b)} Institute of Oriental Studies, Moscow

The paper shows that the Great Divergence of the nineteenth century was preceded by the Great Divergence in the eighteenth century between the Global North and the Global South. This should be attributed to a new, much higher level of state efficiency in the Global North. The eastern and western regions of the Global North frequently used different methods to make their state apparatuses more efficient, but achieved strikingly similar results during the eighteenth century. The Great Divergence of the nineteenth century was already a divergence inside the Global North.

Keywords: the Great Divergence, global North, global South, economic growth, efficiency of the state, East Asia, China.

Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; akorotayev@gmail.com;

Зинькина Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; zjuliv@mail.ru.

Andrey Korotayev — Head, Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University “Higher School of Economics”; akorotayev@gmail.com;

Julia Zinkina — Research Fellow, Laboratory for Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University “Higher School of Economics”; zjuliv@mail.ru.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-11-00634).

Конец XVIII — начало XIX в. стали свидетелем рождения в северо-западной Европе современной экономической модели развития. Распространяясь по Европе и Северной Америке, эти изменения привели к взрывообразному росту разрыва между центром и периферией мир-системы по всем основным показателям социально-экономического развития (этот процесс получил название “Великая дивергенция”) [Голдстоун, 2014; Pomeranz, 2000; Goldstone, 2000; Goldstone, 2002; Vries, 2003; Vries, 2010; Vries, 2013]¹. В XX в. Великая дивергенция продолжалась до начала 1970-х, а затем, после периода неопределенных флуктуаций, в конце 1980-х на смену ей пришла Великая конвергенция, когда большинство стран третьего мира достигли темпов роста, значительно более высоких, чем в большинстве стран первого мира².

Явление Великой дивергенции имеет фундаментальное значение в контексте глобальной истории, поскольку оно в значительной степени предопределило последующее разделение стран мира на развитые и развивающиеся, саму структуру отношений в глобальном мире XIX–XX вв.

Несмотря на обилие научных трудов, посвященных этому явлению, остается открытым вопрос, когда началась Великая дивергенция. Безусловно, во всей своей полноте она раскрылась на протяжении XIX в. Однако в том, что касается появления предпосылок Великой дивергенции, конкретных проявлений успеха или отставания конкретных стран и хронологии этих феноменов, приведших в итоге к формированию в северо-западной Европе (а затем и в англосаксонских колониях) нового центра мир-системы, единого мнения нет. В целом существуют две точки зрения: 1) представление о дихотомическом разделении динамичной Европы и “застывшего” Востока, благодаря которому европейские страны обогнали своих соперников задолго до 1800 г.; 2) мнение о том, что в 1800 г. мир был относительно “плоским” и по целому ряду важнейших экономических показателей Запад слабо отличался от Востока.

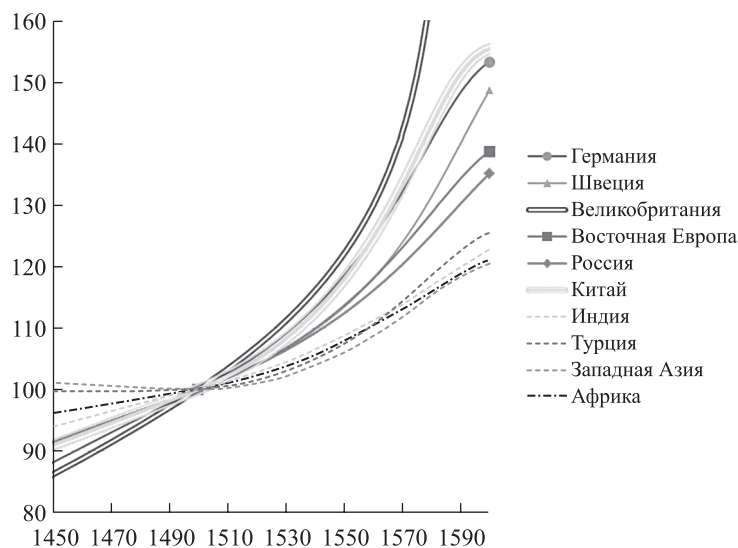
Обычно при этом речь идет про Великую дивергенцию именно между Западом и Востоком. Однако если посмотреть конкретные примеры, приводимые сторонниками теории Великой дивергенции в подтверждение тезиса о том, что и в конце XVIII в. никакого радикального разрыва между Западом и Востоком не наблюдалось [Голдстоун, 2014; Pomeranz, 2000; Goldstone, 2000; Goldstone, 2002; Vries, 2003], легко увидеть, что практически все приводимые ими примеры относятся к Восточной Азии. Действительно, остальной Восток (Северная Африка, Западная, Южная, Центральная и Юго-Восточная Азия) успел уже к началу XIX в. достаточно сильно отстать от Запада (как, впрочем, и от Восточной Азии), а большая часть Южной Азии даже успела попасть под власть англичан (а наиболее населенный остров Юго-Восточной Азии, Ява, — под контроль голландцев). Легко видеть, что все примеры того, что относительно недавно Северная Африка, Западная и Южная Азия находились на уровне развития, вполне сопоставимом с Западом, относятся к периоду до XVII в. (см., например, [Голдстоун, 2014]).

Отметим, что в раннее Новое время “соревнование” с Европой в таких областях, как уровень грамотности, число напечатанных книг или научные открытия, продолжали, хотя и не слишком успешно, только страны Восточной Азии. В то же время страны Северной Африки, Западной, Центральной и Южной Азии явно успели с дистанции здесь сойти (страны Африки южнее Сахары и Юго-Восточной Азии никогда на роль мир-системных

¹ Отметим, что наряду с рядом других авторов (см., например: [Vries, 2013]) мы считаем, что Великая дивергенция XIX в. уходит корнями в первую половину II тыс., когда Западная Европа встала на принципиально новый путь динамичного развития, так что Великая дивергенция XIX в. стала результатом процессов, протекавших в Западной Европе в XIII–XVIII вв., а в некоторых отношениях и в более ранние периоды [Grinin, Korotayev, 2015].

² См., например, [Акаев, 2015; Коротаев, 2014; Коротаев, 2015(1); Коротаев, 2015(2); Коротаев и др., 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов, 2010; Малков и др., 2010; Садовничий и др., 2014; Grinin, Korotayev, 2015; Korotayev, Zinkina et al., 2011(a); Korotayev, Zinkina et al., 2011b; Korotayev, Zinkina et al., 2012; Korotayev, de Munck, 2013; Korotayev, de Munck, 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2014; Zinkina, Malkov, Korotayev, 2014].

Относительная динамика роста ВВП в разных странах и регионах Старого Света в XVI в.
(100 = уровень 1500 г.)

Источник: [Maddison, 2010].

Источник: [Maddison, 2010].

лидеров и не претендовали) (см., например, [Baten, van Zanden 2008; Buringh, van Zanden 2009; Febvre, Martin 1976]).

XVI век был довольно удачным практически для всех великих цивилизаций Старого Света (см., например, [Raychaudhuri, Habib, Kumar, 1982; Braudel 1982; Twitchett D., Fairbank, 1998] и т.д., а также *Рис. 1*):

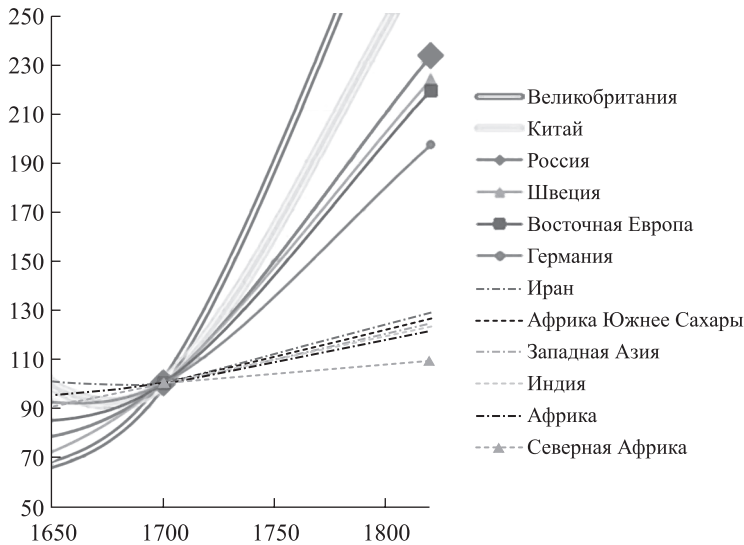
XVII столетие стало веком глобального кризиса, когда с тяжелыми испытаниями столкнулись все великие цивилизации Старого Света (см., например, [Parker, 2013]). В XVIII в. практически везде наблюдались восстановление и рост. Но, как увидим это ниже, рост этот был очень неравномерным. В некоторых странах за XVIII в. экономика выросла на 100–200%, а в некоторых — на 10–20% (см. *рис. 2*): К первой группе стран относятся страны Европы, Россия и страны Восточной Азии (Китай, Корея и Япония), а ко второй — практически все другие страны и регионы Старого Света³. Нетрудно видеть, что страны первой группы занимают всю северную часть Старого Света, а страны второй группы — остальную, более южную ее часть. Таким образом, Великой дивергенции XIX в. между Западом и Восточной Азией *предшествовала* Великая дивергенция XVIII в. между глобальным Севером и глобальным Югом. При этом Великая дивергенция XIX в. была уже дивергенцией внутри глобального Севера.

Причины Великой дивергенции XVIII в. относятся к одним из наименее изученных вопросов глобальной истории. Поэтому здесь мы можем дать лишь предварительные наброски ответа на этот вопрос.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все государства глобального Севера смогли в XVIII в. обеспечить многие десятилетия стабильного развития своих стран и достаточно высокий уровень их безопасности, несмотря

³ Подчеркнем, что здесь мы сравниваем прежде всего не уровни, а скорости развития.

Относительная динамика роста ВВП в разных странах и регионах Старого Света в XVII в. (100 = уровень 1700 г.)

на то что большинство этих стран вышли на принципиально новые, никогда прежде не виданные уровни численности населения и социокультурной сложности. Основные государства глобального Юга с этой задачей в XVIII в. справиться не смогли (там наблюдался несравненно менее впечатляющий рост численности населения и социокультурной сложности).

Странам глобального Севера удалось добиться решения этой задачи во многом благодаря тому, что государственным структурам в этих странах в XVIII в. удалось выйти на новый существенно более высокий уровень эффективности. Западный вариант государственного развития был связан со становлением современной зрелой бюрократической государственности [Kamenka, 1989; Jacoby, 1973; Krygier, 1979; Silberman, 1993; Barker, 1944]. Восточный путь становления эффективной государственности в XVIII в. изучен значительно хуже. Но речь и применительно к Восточной Азии XVIII в. идет нередко о в высшей степени эффективной государственности. Приведем один характерный пример:

“Осенью и зимой 1743–1744 гг. основную часть территории Северного Китая поразила сильнейшая засуха, приведшая к тотальному неурожаю. Меры борьбы с голодом, разработанные Двором, и приведенные в исполнение штатными бюрократами, оказались поразительно эффективными. Государственные и общинные страховые зернохранилища, оказались заполненными зерном, огромные количества зерна были вовремя переброшены [из не пораженных засухой областей в нижнем течении Янцзы] во все ключевые пункты на территории, пораженной засухой. Была быстро развернута целая сеть центров для распределения зерна и денежных выплат пострадавшим, а во всех городах, наводненных беженцами, организованы суповые кухни. Следующей весной все пострадавшие домохозяйства получили семена для посева и даже тягловый скот для вспашки полей. В результате этих прекрасно скоординированных организационных и логистических действий голод в основном удалось предотвратить, и то, что потенциально могло бы привести к тотальной экономической катастрофе, оказало лишь самое незначительное воздействие на экономический рост региона” [Skinner, 1985, p. 283].

Собственно говоря, примеры столь эффективной работы государственного аппарата в Европе XVIII (и даже XIX) века найти практически нереально. В вышеописанном аспекте на такой уровень эффективности европейские государства вышли только в XX в. Так что в некоторых отношениях можно говорить об отставании в XVIII в. европейской государственности от восточноазиатской. Но только в некоторых отношениях. В целом достаточно очевидно, что в долгосрочной перспективе западноевропейский путь строительства регулярной бюрократической государственности оказался более перспективным (см., например, [Vries, 2003; Vries, 2013]).

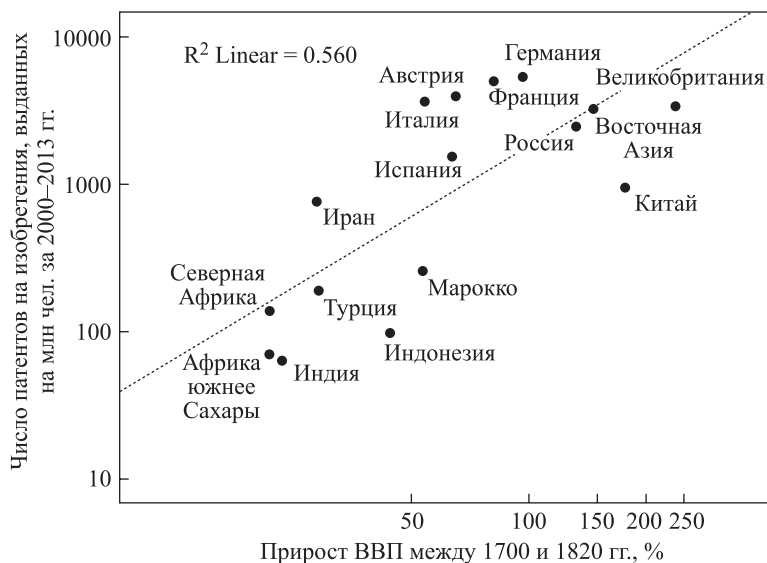
Отметим следующее разительное отличие развития государственности в европейском лидере XVIII в. — Великобритании, и в восточноазиатском лидере этой эпохи — Китае. В Великобритании XVIII в. государственность (как и в практически всех европейских странах) развивалась за счет все большего увеличения доли ВВП, попадавшего в распоряжение государства, что позволяло ему создавать всё более сложные государственные структуры [Schulze, 1995; t'Hart, 1995; Brewer, 1989; Yun-Casalilla, 2012; Dauntton, 2012]. В Китае же в XVIII в. практически реализовалась мечта европейских либералов о “минимальном государстве”. Налоги в это время были там, наоборот, понижены до рекордно низких уровней, что явилось одним из важных факторов впечатляющего экономического роста, достигнутого Китаем в XVIII в. [Peterson 2002]. Но в долгосрочном плане английский путь государственного строительства оказался все-таки заметно более перспективным [Vries, 2003; Vries, 2013].

Отметим и еще одно важное обстоятельство, обеспечившее странам глобального Севера существенно более высокие темпы экономического роста. Речь идет о патогенном факторе. Во время глобального кризиса XVII в. от разрушительных эпидемий пострадал как глобальный Север, так и глобальный Юг (см., например, [Parker, 2013]). Однако во многом именно в рамках адаптации стран Европы (включая Россию) к глобальным эпидемическим волнам XVII — начала XVIII в. в этих странах получила массовое распространение система карантин, которая позволила на протяжении XVIII в. обеспечить Европе и России достаточно эффективную защиту от новых волн эпидемий [Parker, 2013]. Этому, конечно, в немалой степени способствовало и становление в Европе и России развитого бюрократического аппарата, располагавшего кадрами профессиональных управленцев, способных обеспечить организацию эффективных карантинных мероприятий.

Восточная Азия и здесь пошла своим путем, который тем не менее обеспечил столь же эффективную защиту этого региона от разрушительных эпидемических волн в XVIII в. Дело в том, что в XVII—XVIII вв. произошло “закрытие” всех стран Восточной Азии (и Японии, и Кореи, и Китая). Правительства этих государств резко ограничили контакты своих стран с внешним миром и поставили их под самый жесткий контроль (при этом сделали они это, конечно, для защиты не от эпидемий, а от проникновения христианства; позитивные эпидемиологические последствия были скорее побочным результатом данной политики). Торговать с европейцами, скажем, разрешалось только через один порт (в Японии, например, это был Нагасаки, а в Китае — Гуанчжоу), и происходила эта торговля под бдительным контролем властей (см., например, [Hellyer, 1977; Van Dyke, 2005]). Китайские власти жестко контролировали и контакты по сухопутным путям. “Закрытие” Восточной Азии имело, конечно, целый ряд негативных последствий для этого региона, затормозив проникновение туда из Европы ряда перспективных нововведений. Однако оно блокировало и проникновение многих негативных явлений, например торговли опиумом (и для того, чтобы развернуть в 1840-е гг. торговлю опиумом в Китае, англичанам потребовались Опиумные войны, позволившие добиться “открытия” этой страны). А в плане противостояния эпидемическим волнам результаты для Восточной Азии оказались в высшей степени положительными. Характерно, что глобальные эпидемические волны, продолжавшие в XVIII — начале XIX в. свою разрушительную деятельность в странах глобального Юга, мощно тормозя их экономическое развитие [Коротаев, 2006], после “закрытия” стран Восточной Азии перестали туда проникать (этому,

Р и с. 3

Корреляция между темпами роста ВВП между 1700 и 1820 гг. и числом патентов на изобретения, выданных в разных странах и регионах Старого Света в 2000–2013 гг.

Источники: [Maddison, 2010; WIPO, 2016].

впрочем, способствовал и характерный для Восточной Азии чрезвычайно высокий уровень бытовой санитарной культуры населения; например, в Китае уже в XVIII в. даже простолюдины не пили сырую воду, городские бытовые отходы немедленно вывозились и использовались в качестве удобрений и т.п. [Lee, Wang, 1999].

Примечательно, что сложившееся в XVIII в. деление мира на глобальный Север (включающий в себя Китай и Россию) и глобальный Юг вновь проявило себя в настоящее время. Действительно, именно глобальный Север наиболее динамично развивается в настоящее время технологически. Именно в странах глобального Севера в настоящее время патентуется особо много изобретений (особенно в сопоставлении со странами глобального Юга). Проявляет это себя в достаточно неожиданной корреляции — число патентов на изобретения, выданных на 1 млн жителей, будет в настоящее время значимо больше в тех странах, где в XVIII в. наблюдались более высокие темпы экономического роста (см. рис. 3):

Надо сказать несколько слов и о Великой Дивергенции XVIII в. в Новом Свете. Новый Свет вошел в XVIII в. в состоянии ресурсного изобилия. В большинстве цивилизаций Старого Света емкость среды была более или менее заполнена при существовавшем тогда уровне технологического развития, в Новом же Свете она была заполнена в очень слабой степени. Коренное население Нового Света испытало в XVI–XVII вв. катастрофическую депопуляцию (прежде всего из-за принесенных европейцами болезней, к которым индейцы не имели иммунитета), число же европейских поселенцев было еще крайне мало с учетом колоссального ресурсного потенциала обоих континентов. По оценкам А. Мэддисона, численность населения Северной Америки на 1700 г. составляла всего лишь около 1.2 млн человек, а Латинской Америки — 12 млн (что меньше современного населения Москвы). Для сравнения: население Западной Европы на тот же год оценивается в 81.5 млн а население Азии — в более чем 400 млн человек [Maddison, 2010]. Таким образом, в Новом Свете к началу XVIII в. существовал колоссальный потенциал роста,

а политическая стабильность, преобладавшая там на протяжении большей части этого века, позволила данный потенциал в очень заметной степени реализовать.

Даже в Латинской Америке между 1700 и 1820 гг. наблюдался очень внушительный прирост ВВП – на 135%, что вполне сопоставимо с результатами, достигнутыми многими странами глобального Севера в Восточном полушарии. Однако этот результат совершенно меркнет с приростом ВВП, достигнутым за те же самые годы в Северной Америке – там ВВП за те же годы вырос более чем на 2000% (в 21 с лишним раз!). Сильный контраст между Северной и Латинской Америкой наблюдался в XVIII в. и с точки зрения роста ВВП на душу населения – в первой он составил 152%, а во второй – только 31% [Maddison, 2010]. Таким образом, своя дивергенция между глобальным Севером и глобальным Югом наблюдалась в XVIII в. и в Новом Свете, а значит, речь идет именно о глобальном процессе, охватившем весь мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акаев А.А. *От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики*. М.: URSS, 2015 [Akaev A.A. *От epokhi Velikoi divergentsii k epokhe Velikoi konvergentsii. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovaniye dolgosrochnogo tekhnologicheskogo i ekonomicheskogo razvitiia mirovoi dinamiki*. Moscow: URSS, 2015].

Голдстоун Д. *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014 [Goldstone J. *Pochemu Evropa? Vozvysheniye Zapada v mirovoi istorii. 1500–1850*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2014].

Коротаев А.В. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Восточная литература, 2006 [Korotayev A.V. *Dolgosrochnaia politiko-demograficheskaiia dinamika Egipta: tsikly i tendentsii*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006].

Коротаев А.В. Великая дивергенция, Великая конвергенция и глобальный демографический переход // *Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка?* / Ред. Д.М. Бондаренко. М. – Волгоград: Международный фонд Н.Д. Кондратьева – Учитель, 2014. С. 39–51 [Korotayev A.V. *Velikaia divergentsiia, Velikaia konvergentsiia i global'nyi demograficheskii perekhod. Mirovaia ekonomika blizhaishego budushchego: otкуда zhdai' innovatsionnogo ryvka?* / Ed. D.M. Bondarenko. Moscow–Volgograd: Mezhdunarodnyi fond N.D. Kondrat'eva – Uchitel', 2014. Pp. 39–51].

Коротаев А.В. К математическому моделированию процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции // *Социофизика и социоинженерия* / Ред. Ю.Л. Словохотов. М.: МГУ, 2015(1). С. 16–17 [Korotayev A.V. *K matematicheskomu modelirovaniu protsessov Velikoi divergentsii i Velikoi konvergentsii. Sotsiofizika i sotsioinzheneriia*, ed. Iu.L. Slovoxotov. Moscow: MGU, 2015. Pp. 16–17].

Коротаев А.В. Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции // *Информационный бюллетень Ассоциации “История и компьютер”*. Т. 44. № 2. 2015. С. 97–102 [Korotayev A.V. *Matematicheskoe modelirovanie protsessov Velikoi divergentsii i Velikoi konvergentsii. Informatsionnyi biulleten' Assotsiatsii “Istoriia i komp'uter”*, 2015, vol. 44, no. 2. Pp. 97–102].

Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS, 2010 [Korotayev A.V., Khalturina D.A., Malkov A.S., Bozhevol'nov Iu.V., Kobzeva S.V., Zinkina Iu.V. *Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovaniye mirovogo i regional'nogo razvitiia*. 3rd ed. M.: LKI/URSS, 2011].

Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Халтурина Д.А., Коротаев А.В. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии мир-системы // *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS, 2010. С. 234–248 [Malkov A.S., Bozhevol'nov Iu.V., Khalturina D.A., Korotayev A.V. *K sistemnomu analizu mirovoi dinamiki: vzaimodeistvie tsentra i periferii mir-sistemy. Prognoz i modelirovanie krizisov i mirovoi dinamiki*, ed. A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetskii. Moscow: Izdatel'stvo LKI/URSS, 2010. Pp. 234–248].

Малков А.С., Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В. Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии мир-системы. К системному анализу мировой динамики:

взаимодействие центра и периферии мир-системы // *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2010. С. 277–286 [Malkov A.S., Korotayev A.V., Bozhevol'nov Iu.V. *Matematicheskoe modelirovanie vzaimodeistviia tsentra i periferii mir-sistemy. K sistemnomu analizu mirovoi dinamiki: vzaimodeistvie tsentra i periferii mir-sistemy. Prognoz i modelirovanie krizisov i mirovoi dinamiki*, ed. A.A. Akaev, A.V. Korotayev, G.G. Malinetskii. Moscow: Izdatel'stvo LKI/URSS, 2010. Pp. 277–286].

Садовнический В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. М.: Наука, 2014 [Sadovnichii V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S. Iu. *Kompleksnoe modelirovanie i prognozirovanie razvitiia stran BRIKS v kontekste mirovoi dinamiki*. Moscow: Nauka, 2014].

Barker E. *The Development of Public Services in Western Europe: 1660–1930*. Oxford: Oxford University Press, 1944.

Baten J., van Zanden J. Book Production and the Onset of Modern Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 13. No 3. 2008. Pp. 217–235.

Braudel F. *Civilization and Capitalism, 15–18th century: Vol. II: The Wheels of Commerce*. New York: Harper & Row, 1982.

Brewer J. *The Sinews of Power: War, Money, and the British State, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989.

Buringh E., van Zanden J.L. Charting the “Rise of the West”: Manuscripts and Printed Books in Europe, A Long-Term Perspective from the Sixth through Eighteenth Centuries // *Journal of Economic History*. Vol. 69. No. 2. 2009. Pp. 409–445.

The Cambridge History of Russia. Vol. I. From Early Rus' to 1689. M. Perrie (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Dauntton M. The Politics of British Taxation, from the Glorious Revolution to the Great War // *The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914* / B. Yun-Casalilla, P.K. O'Brien (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Pp. 111–144.

Febvre L., Martin H.-J. *The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800*. London: New Left Books, 1976.

Goldstone J.A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // *Sociological Theory*. Vol. 18. No. 2. 2000. Pp. 173–194.

Goldstone J.A. Efflorescences and Economic Growth in World History: Rethinking the ‘Rise of the West’ and the Industrial Revolution // *Journal of World History*. Vol. 13. No. 2. 2002. Pp. 323–389.

Grinin L., Korotayev A. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer, 2015.

Hellyer R.I. *Defining engagement: Japan and global contexts, 1640–1868*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Jacoby H. *The Bureaucratization of the World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1973.

Kamenka E. *Bureaucracy*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 95. 2015. Pp. 163–169.

Korotayev A., de Munck V. Advances in Development Reverse Inequality Trends // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 4. No. 1. 2013. Pp. 105–124.

Korotayev A., de Munck V. Advances in Development Reverse Global Inequality Trends // *Globalistics and Globalization Studies*. Vol. 3. 2014. Pp. 164–183.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., & Malkov A. Global unconditional convergence among larger economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 2. No. 2. 2011. Pp. 25–62.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., & Malkov A. Unconditional convergence among larger economies // *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed.D. Liu. Changchun: The Institute of International Studies – Jilin University, 2011. Pp. 70–107.

Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A. Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Globalistics and Globalization Studies*. Vol. 1. 2012. Pp. 246–280.

Krygier M. State and Bureaucracy in Europe: The Growth of a Concept // *Bureaucracy: The Career of a Concept* / E. Kamenka, M. Krygier (eds). London: Edward Arnold, 1979. Pp. 1–25.

Lee J., Wang Feng. *One Quarter of Humanity: Malthusian Mythology and Chinese Realities, 1700–2000*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

- Maddison A. 2010. *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: <http://www.ggd.net/maddison>.
- Parker G. *Global Crisis: War, Climate Change, and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven and London: Yale University Press, 2013.
- Pomeranz K. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
- Raychaudhuri T., Habib I., Kumar D. *The Cambridge Economic History of India: Vol. 1: c. 1200–c. 1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Schulze W. The Emergence and Consolidation of the 'Tax State'. I. The Sixteenth Century // *Economic Systems and State Finance: The Origins of the Modern State in Europe 13th to 18th Centuries* / R. Bonney (ed.). New York: Oxford University Press, 1995. Pp. 261–280.
- Silberman B.S. *Cages of Reason: The Rise of the Rational State in France, Japan, the United States, and Great Britain*. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Skinner W.G. 1985. The Structure of Chinese History // *Journal of Asian History*. Vol. 54. 1985. Pp. 271–292.
- t'Hart, Marjolein. The Emergence and Consolidation of the 'Tax State'. II. The Seventeenth Century // *Economic Systems and State Finance: The Origins of the Modern State in Europe 13th to 18th Centuries* / R. Bonney (ed.). New York: Oxford University Press, 1995. Pp. 281–294.
- Twitchett D., Fairbank J.K. (eds). *The Cambridge History of China. Vol. 8. The Ming Dynasty, 1368–1644. Pt. 2*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Van Dyke P.A. *The Canton Trade: Life and Enterprise on the China Coast, 1700–1845*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2005.
- Vries P. *Via Peking back to Manchester. Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: Brill, 2003.
- Vries P. The California School and beyond: how to study the Great Divergence // *History Compass*. Vol. 8. 2010. Pp. 730–751.
- Vries P. *Escaping poverty: The origins of modern economic growth*. Vienna: W&R Unipress, 2013.
- WIPO = World Intellectual Property Organization 2016. *Patent Applications by Patent Office, Broken Down by Resident and Non-resident (1883–2013)*. URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/ipstats/en/statistics/patents/xls/wipo_pat_grant_from_1883_table.xls.
- Yun-Casalilla B. Introduction: the Rise of the Fiscal State in Eurasia from a Global, Comparative, and Transnational Perspective // *The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914* / B. Yun-Casalilla, P.K. O'Brien (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Pp. 1–38.
- Zinkina J., Malkov A., Korotayev A. A mathematical model of technological, economic, demographic and social interaction between the center and periphery of the World System // *Socio-economic and technological innovations: Mechanisms and institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S.G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House, 2014. Pp. 135–147.